

Современные тенденции антимонопольного регулирования на цифровых рынках в российском законодательстве

Аннотация. Автор анализирует особенности антимонопольного регулирования на цифровых рынках и с использованием цифровых технологий. На базе теоретического анализа и правоприменительной практики автор подробно останавливается на примерах контроля за экономической концентрацией и актах монополистической деятельности, затрагивавших товарные рынки Российской Федерации, обращая внимания на особенности анализа товарных рынков антимонопольным органом, а также тенденцию сближения антимонопольного регулирования и регулирования оборота данных.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольное регулирование, цифровые рынки, цифровые платформы, антимонопольное регулирование цифровых рынков, монополистическая деятельность, контроль за экономической концентрацией, сетевые эффекты, оборот данных

**Мария Александровна
ЕГОРОВА,**

профессор кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
maegorova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.035-042

Maria A. EGOROVA,

Professor of Competition Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
maegorova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Current trends in antitrust regulation in digital markets in Russian legislation

Abstract. In this article, the author analyzes the features of antitrust regulation in digital markets and with the use of digital technologies. Based on theoretical analysis and law enforcement practice, the author provides detailed examples of economic concentration control and acts of monopolistic activity that affected the commodity markets of the Russian Federation, highlighting the specific features of antitrust analysis of commodity markets by the antitrust authority, as well as the trend towards convergence between antitrust regulation and data regulation.

Keywords: competition law, antitrust regulation, digital markets, digital platforms, antitrust regulation of digital markets, monopolistic activities, control of economic concentration, network effects, data circulation

© Егорова М. А., 2025

Введение

Цифровизация всех сторон современной общественной жизни формирует вызовы и для современного регулирования общественных отношений, возникающих при использовании цифровых технологий. Экономика в таких условиях проходит качественную трансформацию, потребители — физические и юридические лица — для упрощения своей повседневной жизни, а также повышения эффективности осуществления предпринимательской деятельности используют цифровые технологии для коммуникации в обороте, обеспечения безопасности и скорости взаимодействия друг с другом при использовании таких технологий.

Такая трансформация и привела к появлению на товарных рынках субъектов, которые, извлекая собственную выгоду, становятся акторами, снижающими транзакционные издержки коммуникации участниками оборота не в цифровой среде через создание платформ, на которых продавец может продать свой товар фактически неограниченному кругу покупателей, а покупатель — найти необходимые ему товары по широкой номенклатуре. Описанный процесс и привел к формированию так называемых цифровых (платформенных) товарных рынков¹.

Не является исключением в этом смысле и антимонопольное регулирование, для которого такие особенности проявляются и в регулировании поведения хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках, сделок таких хозяйствующих субъектов, а также использовании цифровых технологий для повышения эффективности реализации антиконкурентных сговоров на товарных рынках, которые к цифровым могут и не относиться.

Блага, которые принесло миру бурное технологическое развитие, принесли ему и новые потенциальные угрозы, поставили, в том числе и перед юридической наукой и практикой, новые вызовы. К таким вызовам относится и монополизация вновь формируемых товарных рынков, которую, в отличие, например, от сфер деятельности естественных монополий, сложно оправдать аргументами о конъюнктуре рынков и об особенностях их исторического развития.

Еще один вызов — «цифровизация картелей». В рамках этой тенденции картели могут как перетекать в цифровую плоскость, так и сохраняться на традиционных рынках, но при этом широко применять цифровые технологии как для контроля исполнения взаимных антиконкурентных договоренностей, так и непосредственно для их реализации².

Все описанное создает высокие риски дискриминационного доступа как к традиционным товарным рынкам, к государственным закупкам как фактически

¹ Егорова М. А., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2—5.

² Как это может происходить через использование пользователями цифровой платформы ее инфраструктуры для реализации собственных антиконкурентных сговоров. См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7462453?ysclid=m8sv0bskfo559545735> (дата обращения: 28.03.2025).

отдельному рынку, к цифровым технологиям как таковым, ценовому и неценовому манипулированию поведением продавцов и потребителей на товарных рынках³.

В рамках настоящего исследования сконцентрируемся на первых двух вопросах, обозначенных выше: контроля за деятельностью доминирующих компаний на цифровых товарных рынках, а также контроля за слияниями с участием компаний — операторов таких цифровых платформ.

Основная часть

Для регулирования деятельности таких хозяйствующих субъектов краеугольным является вопрос определения наличия доминирующего положения у соответствующих субъектов. История возникновения института доминирующего положения началась в 1991 г., когда данное понятие было дано в Законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Однако с того времени и до недавних изменений в законодательстве критерии определения доминирующего положения оставались ориентированными на традиционные товарные рынки.

Положение изменилось с принятием и вступлением в силу пятого антимонопольного пакета. Несколько лет антимонопольный орган при поддержке профессионального сообщества и в рамках тесной работы с другими регуляторами разрабатывал и отстаивал необходимость принятия изменений в антимонопольное законодательство, которые должны были изменить подход законодателя к регулированию рыночных отношений с участием операторов цифровых платформ именно на уровне законодательства, а не правоприменительной практики.

Итогом этой работы стало в том числе вступление 01.09.2023 в силу Федерального закона от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”»⁴. К позитивным чертам указанного акта можно отнести закрепление на законодательном уровне понятийного аппарата, а также специфических правил определения доминирующего положения операторов транзакционных цифровых платформ.

Так, в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (п. 4.1 ст. 4) было введено понятие цифровой платформы и сетевого эффекта. Цифровую платформу Закон определяет как программу (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающую совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров. Сетевой эффект определен как свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность цифровой платформы изменяется в зависимости от

³ Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 7—11.

⁴ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

изменения количества продавцов и покупателей, совершающих сделки в отношении определенных товаров посредством цифровой платформы.

Также Закон был дополнен специальной статьей, описывающей критерии определения доминирующего положения оператора цифровой платформы. В соответствии с ч. 1 ст. 10.1 Федерального закона «О защите конкуренции» хозяйствующий субъект — владелец цифровой платформы может быть признан занимающим доминирующее положение при использовании соответствующей платформы при одновременном выполнении следующих условий:

- сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором совершение сделок между продавцами и покупателями осуществляется посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам;
- доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35 % общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;
- выручка такого хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 млрд рублей.

Отрицательной чертой проекта стало, несомненно, сокращение эффекта от его содержания, по сравнению с первоначально разработанной антимонопольным органом редакции, а также длительная работа над проектом, что привело к некоторому запозданию вступления его в силу в соотношении с требованиями экономического развития страны. Также стоит отметить, что пятый антимонопольный пакет оставил вне поля специального регулирования деятельность операторов цифровых платформ, которые не предполагают совершение сделок или операций с использованием инфраструктуры администрируемых ими платформ. Следовательно, на таких хозяйствующих субъектов *de lege lata* распространяется общий режим осуществления предпринимательской деятельности доминирующих хозяйствующих субъектов — участников традиционных товарных рынков с распространением действия статей 5 и 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

Также изменения не коснулись базовой дефиниции — товарного рынка присутствия таких операторов. Он, как и для традиционных товарных рынков, определяется как сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами⁵.

Отметим и то, что законодатель не решился в полной мере отказаться от количественных критериев доминирования, сохранение которых, по мнению отдельных авторов, является спорным, поскольку ограничивает возможности

⁵ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

применения мер реагирования к участникам рынка, которые по формальным критериям не будут соответствовать требованиям признания их доминантами, однако фактически будут оказывать решающее воздействие на поведение своих клиентов, в том числе негативно влияя на конкуренцию на затрагиваемых товарных рынках⁶.

Нам же представляется, что сохранение таких критериев доминирования, скорее, носит позитивный эффект, поскольку сохраняет как для антимонопольного органа, так и для хозяйствующих субъектов формализованную опору для доказывания как наличия, так и отсутствия доминирующего положения отдельно взятого субъекта на товарном рынке. Целесообразность дальнейшего сохранения таких критериев покажет время. Мы не исключали бы, что российский законодатель может и вовсе отказаться от этого, сохранив только сущностный критерий для определения доминирующего положения, но, как представляется, на сегодняшний день готовность к такому решению не созрела ни со стороны рынка, ни со стороны органов власти.

Стоит отметить, что такие недостатки пятого антимонопольного пакета вряд ли окажут серьезный негативный эффект на правоприменительную практику, поскольку и до его принятия российский антимонопольный орган весьма успешно справлялся с соответствующими вызовами.

Одним из первых дел в этой сфере стало расследование в отношении платформы HeadHunter в части настройки функционала платформы по поиску работы и работников, ограничивающей использование сторонних роботов, оптимизирующих процесс такого поиска. Решение антимонопольного органа по оценке такой практики как антиконкурентной было поддержано судебными инстанциями, и, что особенно ценно, суды согласились с доводами относительно специфики оценки рыночного положения такой платформы, которые были антимонопольным органом сформулированы так:

- оператор цифровой платформы фактически присутствует на многостороннем рынке, вступая в отношения как с соискателями, так и с потенциальными работодателями, что требует отхода от стандартного для анализа состояния конкуренции на рынке и определения его как географических, так и продуктовых границ «теста гипотетического монополиста»;
- на цифровых рынках присутствует специфическое явление сетевого эффекта, который сам по себе является барьером на таких рынках. Услуги оператора цифровой платформы прямо пропорциональны в их привлекательности для, например, соискателей, количеству пользователей этой же платформы со стороны потенциальных работодателей и популярности у потенциальных работодателей соответствующей платформы.

Указанное справедливо и наоборот — потенциальный работодатель с большей охотой оплатит доступ к платформе по поиску персонала, если она будет популярной у соискателей, база данных размещенных на ней резюме будет столь велика, что работодатель сможет рассчитывать на относительно быстрое

⁶ Ефимцева Т. В., Баймуканова В. С. К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках пятого антимонопольного пакета // Конкурентное право. 2023. № 4. С. 2—4.

заполнение возникшей у него вакансии. Такая особенность рынка обуславливает необходимость для оператора платформы обеспечивать привлекательность ее использования как для соискателей, так и для потенциальных работодателей⁷.

ФАС России также анализировала акты монополистической деятельности с участием цифровых платформ в рамках дела против платформы бронирования отелей Booking.com. При его рассмотрении доминирующее положение цифровой платформы на рынке услуг агрегаторов информации о средствах размещения было определено через проведение опроса клиентов платформы с использованием «теста гипотетического монополиста». Однако не проводился опрос среди потребителей гостиничных услуг, что было обосновано его нецелесообразностью в указанном деле.

Интерес представляет и сама практика, анализировавшаяся в рамках соответствующего дела, — так называемый паритет цен. Она могла бы быть воспринята как пропотребительская, поскольку потребители, воспользовавшись услугами платформы, гарантированно получали бы самую низкую цену на услуги, которые они желали получить. Иными словами, с гарантированным эффектом потребители кратно снижали свои транзакционные издержки по приобретению услуг для отдыха или командировок в повседневной жизни, понимая, что всегда самую выгодную цену они смогут получить, воспользовавшись Booking.com.

Однако потенциальная выгодность для одной из сторон рынка присутствия агрегатора не означает выгодность для хозяйствующих субъектов, которые непосредственно услуги размещения и оказывают, поскольку они лишались бы свободы ценообразования, проведения самостоятельных маркетинговых акций по привлечению клиентов. Альтернатива — уход с платформы с большим количеством пользователей и продвижение своих услуг через туристических операторов, собственный сайт и стандартные инструменты рекламирования, что кратно повышает транзакционные издержки пользователя платформы⁸.

Именно эти особенности и были предметом детальной проверки антимонопольного органа, в том числе проверки механизмов работы платформы, системы ценообразования, взаимодействия не только с провайдерами услуг размещения, но и с потребителями. Тот факт, что законность решения ФАС России по делу Booking.com была поддержана судами, подтверждает правильность подхода, избранного антимонопольной службой относительно признания практики паритета цен антиконкурентной⁹.

В этом смысле стоит отметить еще одну особенность, которая характерна для цифровых рынков как находящихся в активной стадии развития, — их развитие в условиях конкуренции в весьма жестких условиях по отношению друг к другу и в формирующейся регуляторной среде, которую можно охарактеризовать как отличающуюся особой степенью догоняющего эффекта. В таких условиях особое значение приобретает контроль за экономической концентрацией на цифровых

⁷ Вовкивская Л. В., Савостина Е. В. Аналитический обзор судебных дел, рассмотренных с участием антимонопольного органа // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 1. С. 80—84.

⁸ Решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2022 № Ф05-1927/2022 по делу № А40-19473/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

товарных рынках, поскольку цепочка взаимосвязанных сделок на еще конкурентном товарном рынке может привести к его переходу в состояние олигополии или фактически монополии, в результате которой крупный хозяйствующий субъект, на первых этапах своей деятельности проводивший привлекательную ценовую политику, может начать ухудшать как условия доступа к услугам через платформу, так и условия предложения через платформу товаров, работ и услуг, поскольку для снижения транзакционных издержек выбрать на рынке можно лишь одну платформу.

Ярко иллюстрирует корректность изложенного выше тезиса аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов), подготовленный антимонопольным органом. Согласно этому отчету, на совершенно конкурентном рынке еще несколько лет назад сформировалась ситуация коллективного доминирования двух крупных маркетплейсов — Wildberries и Ozon¹⁰. Представляется, что такая оценка антимонопольного органа рыночного положения указанных платформ скажется не только на оценке их рыночного поведения, но и на сделках, которые они будут планировать как по слиянию со своими конкурентами, так и на смежных товарных рынках.

Пример блокирования сделок на цифровых товарных рынках в России также есть. Яркий пример — запрет антимонопольного органа на совершение слияния сервисов Avito и «Циан». Он, очевидно, был основан на перспективном анализе изменений на затрагиваемых товарных рынках и связан как с перспективным появлением на них доминирующего участника, так и с потенциальным снижением качества оказываемых услуг при сохранении остальных, в том числе и ценовых, условий доступа к ним на том же уровне.

Приведенное решение антимонопольного органа, как представляется, имеет большую прогностическую ценность, которая, наряду с необходимой актуализацией нормативного регулирования, согласно требованиям времени играет большую роль в эффективности антимонопольного регулирования в стране¹¹. В первую очередь опасность такого слияния, конечно же, скрывается в консолидации баз персональных данных пользователей крупных платформ и в использовании этих данных для усиления своего рыночного положения, развития новых сервисов и предложений. Тенденция усиления связи между антимонопольным законодательством и законодательством о персональных данных, как представляется, также является одной из черт правового регулирования цифровой экономики.

На такую связь между законодательством о защите данных и защитой конкуренции как очевидную при преследовании ими общей цели, направленной на обеспечение защиты автономии пользователя, под которой понимается возможность пользователя (потребителя) свободно решать, стоит ли ему и каким именно

¹⁰ Аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов) // URL: <https://fas.gov.ru/documents/689570> (дата обращения: 11.05.2023).

¹¹ Самолысов П. В. Цифровая трансформация антимонопольного регулирования // Юрист. 2022. № 1. С. 62—66.

образом участвовать в рынке (в данном контексте — технологическом; уже — в рынке цифровых платформ), обращается внимание и в доктрине¹².

Представляется, что в современных условиях развития антимонопольного регулирования вполне разумно делать ставку на развитие контроля за экономической концентрацией, возможно, по аналогии с финансовыми рынками, ограничивая сделки не только между такими гигантами, как VK, «Яндекс», «Циан», Ozon, Wildberries, и т.д., но и в принципе горизонтальные слияния, даже если речь идет о приобретении крупным участником рынка незначительного стартапа. В противном случае высоки риски олигополизации рынков.

При этом важно обращать внимание и на рынки, которые обеспечивают функционирование производства радиоэлектроники, программного обеспечения и т.д., поскольку возможны сращивание платформ с такими бизнесами, а также консолидация на этих рынках за счет крупных соглашений с указанными выше платформами или за счет государственных и муниципальных контрактов в рамках программ замещения импортной продукции.

Заключение

Таким образом, антимонопольное регулирование цифровых рынков характеризуется отходом от традиционного инструментария воздействия на рынки, а также от анализа их границ и состояния конкуренции на них, тесной связью с регулированием защиты персональных данных и оборота данных в принципе, фокусом на недопущение монополизации современных конкурентных товарных рынков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егорова М. А., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф.* Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. — 2024. — № 1. — С. 2—5.
2. *Ефимцева Т. В., Баймуканова В. С.* К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках пятого антимонопольного пакета // Конкурентное право. — 2023. — № 4. — С. 2—4.
3. *Вовкивская Л. В., Савостина Е. В.* Аналитический обзор судебных дел, рассмотренных с участием антимонопольного органа // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 1. — С. 80—84.
4. *Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В.* Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. — 2019. — № 3. — С. 7—11.

¹² *Черешнева И. А.* Цифровые платформы: от защиты конкуренции к защите данных // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 23—26.